

В пространстве “текста” - между числом и геометрическим образом

(к проекту Владимира Наседкина “Untitled”)

“Перед вами карта острова сокровищ. Текст еще проступает.”
Роберт Стивенсон

“Спасения в этих магических числах...”
Александр Пушкин

Художественные стратегии в современной культуре непрерывно обновляются, возвращаясь к утраченным традициям и актуализируя новые формы художественного сознания. Образ теряет свои чувственные формы, наделяется рефлексией, обрывает ассоциациями и структурируется в “текст” и “число”. Мифологема “текст и число как пространство”, определившая всю визуальную культуру постмодернизма, остаётся ведущей практически во всех современных альтернативных проектах, меняя свои акценты и контексты. Она функционирует как матрица, налагающая свои сетки на сегодняшнее однородное пространство культуры, увеличивая его информационную плотность и меняя пространственные координаты. Обращение к геометрическим структурам в начале нового тысячелетия свидетельствует не только о сохранении фундаментальных пластических коммуникаций в современных информационно-художественных системах, но и о реконструкции традиционной образности знаковых форм, об их внутренних возможностях создавать собственные визуальные “поля” самых различных напряженностей и масс. Искусство Владимира Наседкина органично существует в этих границах знаковой мифологии, описывая мир как Алфавит в гео-числовых пределах и последовательностях. Вселенная в этой художественной экзистенции способна выявить себя во всей своей целостности в образе геометрического модуля и числа. Идеи древних культур мерцают в пространстве геометрических топосов Владимира Наседкина, материализуясь в знаки, в пластические элементы и математические поверхности. Они превращаются в информационные модули, в первоэлементы организованного космоса, в архетипы, способные организовывать любой “текст” и любое пространство.

Платоновские эйдосы и дискретные атомы Демокрита, помноженные на традиции пифагорейства, явно формируют генезис аскетических алфавитов Владимира Наседкина, интегрируя в себе европейские корни универсальных коммуникаций. В стратегии художника геометрия “алфавита” превращается в единовременное существование многомерных поверхностей и строк как проступание тайного кода пространства, обнаруживающего свою многослойность. Кажется, что он бесконечно переписывает тотальный архив накопившейся избыточной культуры, наполненной схемами, планами, картами древних материков, где поиск своего неотделим от циркуляции и изыскания новых конструктивистских и формообразующих элементов, выявляющих информационный знак в лабиринтах “борхевской вавилонской” или точнее мировой библиотеки. Здесь композиция как текст (текст в этой системе понимается широко как любая артикулированная информация) отсылает одновременно ко всем другим информационным структурам, превращаясь в своеобразный пластический интернет. Автор-художник в этом случае расслаивается на вариации симулякров, масок, размывается в струящихся сквозь него “текстовых” потоках. И, более того, он обнаруживает в себе способность “умереть”, превратиться в инструмент, в землемера из “Замка” Франца Кафки, в проводника, в медиума для трансляции гула языка и его шумов.

Его творческие технологии проявляются в самом способе координирования припоминания утраченного и забытого, в актуализации всех возможностей геометрического знака, который когда-то был соединен со своим атомистическим смыслом, в манипуляции следами и обломками исторической памяти и по-следствиями собственного внутреннего личного опыта. В образах геометрических знаков, в выявлении их контуров прослеживается дыхание цитат мировой культуры - иероглифическое письмо египетских пирамид, соотнесенное с геометрией их внутренних камер, и ганноверские тексты Эль Лисицкого; в них живут и автоцитации собственных находок, разворачиваются наслаиваемые циклы, пришедшие из картографических систем, где сталкиваются начала и концы, авангард и традиция. Ориентиры художника пребывают в рядах нетождественных возвращений, своего рода путешествий в лабиринтах времени, где встречаются Пит Мондриан и

Казимир Малевич, магические знаки Шумер и архитектурные элементы вавилонских зиккурат, погружаясь в ассоциативные цепочки образов-сигналов древней пиктографической культуры Урала и Западной Сибири. Их задача - не объяснить, а рассеивать свои значения в семиотических ландшафтах культур, связанных с геометрией - от Евклида до "космической ткани" Альберта Эйнштейна. Эти схемы-идеограммы парят в пространствах потенциальных возможностей бумаги и металла - витают и впечатываются в великое "ничто" разреженных потоков информационных полей. Пластическая позиция Владимира Наседкина временами покидает условные контуры искусства, но, сохраняя всегда свою природу, она выходит за границы эстетического, напоминая и вспоминая те высшие законы космоса и творчества, по которым формировался наш мир. Её моделью можно рассматривать последнюю инсталляцию художника - своеобразный интеграл из металлических пластин, включающих в себя геометрию прямых и лекальных линий. Её форма в плане явлена равнобедренным прямоугольным треугольником, образующим диагональ с вертикальной системой координат, - и таким образом превращенная во фрагмент пирамиды в трехмерном пространстве. Эта условная пирамида теряет свою линейность, трансформируясь в зеркальную структуру и отражая световые потоки как информационный преобразователь и своеобразный выпрямитель света. Собранный методом аппликации, ассоциируясь с знаменитым треугольником Василия Кандинского и матиссовской серией "Джаз", зеркальная инсталляция Владимира Наседкина обретает новые стратегические смыслы, погружаясь в традиции алхимии, взаимопревращения металлов и световых энергий. Её собственный герметизм и одновременно открытость к диалогу, её шахматная комбинаторика заставляет вспомнить в рамках "алхимической свадьбы" ещё одну фундаментальную фигуру - великого гроссмейстера, магистра "игры в бисер" Марселя Дюшана, где путь геометрии сворачивает в бездну бесконечной вариативности и тема Untitled заполняет всё пространство нашего возможного бытия.

Виталий Пацуков